

Федор Абрамов Из колена аввакумова abramovfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

Из колена Аввакумова

1

Шоферишко попался мне необкатанный, из молокососов, да еще с норовом: я ему - в объезд, он - прямо, я ему - прямо, он - в объезд. Ну и вляпались - сели на брюхо, по самую ось. Да где? На большой дороге возле Пинеги, как раз напротив Койды, там, где на веку никто никогда не застревал.

Если бы у нас был с собой топор, была цепь, лопата, все было бы просто. Бревно, хламину какую под колесо, большую грязь отрыл, откопал и жми на газ. А то ведь у этого сопляка не то что нужного инструмента, самого дрянного ножа не оказалось.

Долго, часа полтора, плясали мы вокруг машины, но что сделаешь голыми руками? И в конце концов, насмерть измученные, грязные, потные, мы сели возле дороги под березы и стали ждать - авось кто-нибудь проедет: не глухой проселок, главный Пинежский тракт.

Но шло время. Я выкурил одну папиросу, другую, шофер сбегал к реке выкупаться (нынешняя молодежь даром время терять не станет), а подмоги все не было, и по-прежнему ничего, кроме шелеста разыгравшихся на ветру берез, не было слышно.

- Пойдите, а какой сегодня день-то у нас?- вдруг осенило шофера. - Не воскресенье?

- Воскресенье.

- Ну дак хоть до самой ночи тут загорай, никого не дождешься. В Койду ехать надо, - сказал он решительно.

Койда была на другом берегу, и попасть туда не составляло большого труда. Но я не спешил. За этой деревней у нас издавна возилась недобрая слава.

Есть на Севере, а точнее сказать, на Пинеге и на Мезени, такая женская болезнь - икота, которая, правда, сейчас немного поутихла, а еще совсем недавно редкую работную бабу не трепала. Найдет, накатит на бедную - и мутит, и ломает, и душит, и крик и рев на все голоса - по-собачьи, по-кошачьи, и даже самая непотребная матерщина иной раз срывается с губ.

Медицинская наука на эту болезнь обратила внимание лишь в самые последние годы, о ней даже в Большой Советской Энциклопедии нет ни слова, и потому в наших местах доселе считается: икоту садят, икоту насылают лихие, знающие люди - икотники, и гнездом этих икотников является Койда, небольшое старинное селеньишко, отгороженное от большого мира рекой.

Я, конечно, во все эти рассказы давно уже не верил, но вот поди ж ты: когда мы в утлой, допотопной осиновке-долбенке переправились на ту сторону да стали подходить к деревне, у меня не то чтобы озноб по телу пробежал, а все какие-то иголки внутри оцетинились.

У шофера в верхнем конце жили дальние родственники, и он предложил мне пойти с ним ("чайшку хоть по стакану выпьем, ежели не будет ничего посущественней"), но я решил пройтись по деревне: кто знает, доведется ли еще когда побывать тут.

Лет десять я не был в Койде, и, конечно, за это время она не стала лучше. Да и как она могла стать лучше, когда была приговорена к сносу. Новой постройки ни одной, а старые, полуразвалившиеся, осевшие дома как старые лошади на лугу - неподвижные, безмолвные, погруженные в какую-то беспробудную дрему.

И мне жалко, до слез жалко было этих деревянных доходяг, но в то же время мне было и хорошо с ними. От них пахло согретым на солнце деревом, зеленая травка подступала к самому крылечку, и небо, вольное деревенское небо над головой. Не то что в моей родной деревне, где все опутано проводами да изрыто и перепаханно тракторами и бульдозерами.

Старуха была старая-престарая. Она сидела на бревне возле дороги, уткнувшись подбородком в клюку, босиком, в синем старинном сарафане с лямками, и, казалось, ничего не слышала, ничего не замечала. Но, когда я подошел к ней поближе, она вдруг повернула в мою сторону морщинистое лицо и с интересом посмотрела на меня не по годам черными, живыми глазами.

- Что бабушка, на солнышко погреться вышла?

- Вышла. Дочь поджидаю. Где-то с утра ушла за хлебом и все нету. За пять верст в Ровду ноне за хлебом-то ходим.

- Далековато. А что, свой-то магазин не работает?

- Не работает. Третьей год как лавку у нас прикрыли, а скоро, сказывают, и деревню прикроют. Какие-то порядки пошли - живую землю хоронить... Да ты чей будешь-то - спрашиваешь? Не здешний, видно?

Я назвалъся приезжим, подсел к старухе и тут же едва не вскочил - так ошарашило меня имя старухи.

Соломея! Или Соломида по-нашему. Самая что ни на есть главная икотница Койды.

Я немного успокоился, когда к старухе, часто дыша открытой пастью (жаркий день был, с солнцепеком), подошла молоденькая, недавно остриженная овечка и доверчиво уткнулась ей в колени.

- Что все трешься да трешься возле меня? Не ленись, пощипли травки-то. Ну, иди, иди с богом.

Старуха оттолкнула овечку, перекрестила темной, вздрагивающей от старости рукой, а потом перекрестилась и сама. При этом перекрестилась, как я заметил, двуперстным крестом, и я спросил:

- Старой веры держишься, бабушка?

- Старой. Через все страданья, через все испытанья с двуперстным крестом прошла.

- А много было у тебя страданий и испытаний?

Старуха вдруг всхлипнула, слезы вскипели у нее на глазах, но так же быстро, как у малого ребенка, и высохли.

- Не обделил, не обделил меня господь страданьями. И с голоду сколько раз помирала, и ноги отнимались, и мужа насмерть убивали, и по тюрьмам, по острогам злые люди водили. А в деревне-то своей я как весь век выжила! Как в пустыне! Никто в гостях у меня не бывал, никто дочерей моих взамуж не взял - все пятеро так на корню и посохли.

Я знал, мне известны были причины старухиных бед, но в эту минуту у меня невольно вырвалось:

- Да за что же тебя так, бабушка?

- А из-за напраслины. Из-за того, что в икотницах весь век хожу. Кто чем ни заболит, у кого скотина ни падет - всё Соломида-верста виновата (это меня по мужу ругают), она икоту посадила, она порчу наслала. А я, видит бог, - и тут старуха опять истово перекрестилась, - ни делом, ни помыслом не грешна. Всю жизнь божьим словом живу, всю жизнь оберуч, как за веревку, за стару веру держусь. С той самой поры, с того самого время, как в Пустозерье ходила.

- В Пустозерье? В какое Пустозерье?

- Одно Пустозерье на свете, - посуровевшим голосом ответила старуха. - В студеных краях, у Печоры-реки, где лиходеи великого праведника и воителя за истинные веры протопопа Аббакума сожгли.

Федор Абрамов Из колена аввакумова abramovfyodor.ru

У меня не было оснований не верить старухе, и все-таки в голове не укладывалось. Ведь это Пустозерье, или Пустозерск, где? За 400-500 верст от Пинеги, куда и ходу-то раньше не было. Летом из-за бездорожья, из-за гнуса - живьем комар сожрет, а зимой опять снега, холода - куда понал?

- Ходила, - вздохнула старуха. - Девкой еще ходила. По обвету. Раз пришла с пожни, далеко у нас покосы были, на Вырвее, может, сорок але боле верст будет, да все суземом - сырыми ельниками, а дома у мамы гости: Иван Мартынович с Заозерья с женой да родня из своей деревни. "Что, девка, - спрашивают, - устала?" - "Да с чего устала-то? Нисколешеньки, говорю, не устала. Я еще, говорю, на игрище побегу". И побежала. У самой красные да черные колеса в глазах катаются, а побежала. Девка. Славы хорошей хочу. Думаю, скорее замуж возьмут. А назавтра утром - мама зовет, шаньги поспели - я и на ноги встать не могу. Не мои ноги. Не стоят, подгибаются - нету костей. Вот как меня господь-то бог за похвальное слово наказал. Ну, погоревали, заплакали мы с мамой - в самую страду работница обезножела, - да что поделаешь? Так, видно, богу угодно, такова, видно, его святая воля. Стали меня в сенную запарку сажать, стали мурашиным маслом растирать, баню через день топить - все мертвые ноги, все ничего не помогают. А помощь пришла все от того же господа бога. Он, милостивец, ноги у меня отнял, он и возвратил.

Была у нас в деревне старушка благочестивые веры, век скоромного не едала. Так и звали - Марья-постница. Вот эта-то Марья-постница меня и наставила: "Брось, говорит, девка, бесов тешить. Никакие тебе запарки-припарки не помогут, а поможет тебе, говорит, вера истинная да обвет". - "О бабушка, бабушка, плачу, да я хоть какой обвет дам, только бы ноги ожили!" - "Тяжелый, говорит, обвет на тебя наложу. Перво-наперво, говорит, на гулянках, на игрищах больше ни разу не бывать. Хватит ли у тебя на то духу?" - "Хватит", говорю. А сама голоса своего не чую, у самой свет в глазах погас. Понимаю: на гулянках, на игрищах не бывать, да и взамужем никогда не бывать. Ну, второй обвет - в стару веру перейти - ничего, вроде полегче, после первого-то не ноша. Так тогда по молодости-то своим умом рассуждаю. Ну а как третий-то обвет наложила - я и расплакалась. Сходить в Пустозерье к святому великомученику Аббакуму, кресту евонному поклониться. "Да ты, говорю, изгилиеешься надо мной, бабушка. Я до ветру на ногах сходить не могу, на коленцах ползаю, а ты о каком-то Пустозерье баишь". - "Будут, говорит, у тебя ноги. Господу богу угоден будет твой подвиг, даст и ноги. А теперь, говорит, шесть ден тебе стоять на коленях на молитве. От восхожего до захожего. И об одном думать, про одно молить господа бога - чтобы силы дал подвиг совершить. За всю жизнь, говорит, как на свете живу, не слыхала, чтобы с Пинеги какой человек ходил в Пустозерье, а ты, говорит, сходишь, тебе, говорит, откроет всевышний пути-дороги в святую землю, где сподобился страдалец наш в муках огненных райский венец приять. Только, говорит, молись с усердием, так, говорит, молись, чтобы ни единого помысла, ни единого вздоха у тебя ни о чем другом не было, чтобы во всем теле жар стоял, ровно как в печи ты огненной. Шесть ден, говорит, стоять тебе на молитве, с понедельника до субботы. А в субботу, говорит, усни и спи, говорит, сколько можешь, хоть всю ночь и весь день. А как проснешься, говорит, в христово воскресенье, крестом себя истинным, двуперстным осени и вставай на ноги. Крепче, говорит, прежнего, крепче, говорит, дерева и камня у тебя будут ноги".

И все так, как сказала божья угодница, все так и вышло. Вернул господь ноги, доселе верно служат, доселе на зов господен иду. - И тут старуха повернула голову на восток и с признательностью, широко и степенно перекрестилась.

После небольшой передышки я снова начал заворачивать ее на тропы далекого прошлого.

- Ох, родимой, родимой! День рассказывать - не рассказать, как я в Пустозерье-то ходила. Перво дело - где это Пустозерье? В студеных краях, на краю земли, где зимой и дня не бывает, все ночь, а летом опять ночи нету, все день, круглые сутки солнышко. А как туда идти-добираться? Откуда след начинать? Ну, да надоть обвет держать, раз даден. Собрали меня дома в дорогу, котомку с хлебцами за спину, два медных пятака денег дали - иди, ищи Пустозерье. В городе Пинеге Микольская ярманка, со всего царства народ съезжается - может, там скажут. И сказали в городе Пинеге: обозы с рыбой с Печоры-реки есть, с има, с тема обозами, попадать надоть. Четыреста верст але боле тайболой - лесами да тундрой - как одному человеку попасть?

Федор Абрамов Из колена аввакумова abramovfyodor.ru

Вот я и увязалась за тема обозами. Сподобилась принять крещение морозами да снегами. Страсть, страсть эти хивуса-ти тамошние – метели-то да бураны снежные. Как задует, задует, ни земли, ни неба не видно, по пяти ден из кушни, лесной избы, выбраться не можем. Все угорим, все облюемся – о беда. Але темень-то эта тамошняя. У нас о ту пору, возле рождества, свету немного бывает, а там день-то – как зорька сыграт, а то все ночь, все темень кромешная. Мужики звезды в небе ищут, по звездам едут, а я крестом себе дорогу освещаю. Пальцы в рукавице в крест двуперстный зажала, да так с крестом истинным и прошла взад-вперед. Люди – вернулась – как на диво на какое на меня смотрят. Со всей Пинеги старухи-староверки да старики шли. Начну рассказывать, как ходила, какие муки претерпела, сама не верю себе. Думаю, таких больше на земле и страданьев нет, какие я вынесла. А нет, страданья-то да муки у меня начались, когда меня в Койду выдали.

Я ведь думала, раз с гулянками пришлось расстаться, век, до гробовой доски в девках коротать, а нет, господу угодно было через новые испытанья свою рабу провести. Перво-наперво у мужа мужской силы не оказалось – обабить меня не может. Год хожу порожняя, другой. Свекор и свекрова смотрят косо, мама родная грызет: доколе срамиться будешь? А я чем виновата? Мне не тошно – два года ни девка, ни баба? И мужика жалко, хороший у меня мужик был. По ночам оба плачем – подушка утонула в слезах. Ну, тут дале вразумил меня господь: все от бога. Он живот тебе дает, он и силу. "Молись, – говорю мужику. – День и ночь молись. И я буду молиться. Господь услышит нас". И господь услышал. Раз ночью будит меня мужик: "Проснись, Соломида, у меня мужская сила появилась". И я проснулась, и мужик сделал свое дело.

Я никак не ожидал такой откровенности от старого человека и, чтобы скрыть свое смущение, закашлял. Старуха, однако, сразу поняла это и все с тем же простодушием и назидательностью сказала:

– Господь бог создал людей, чтобы плодились и населяли землю и господа бога прославляли молитвой и добрыми делами. Нет греха спать со своим мужиком. Грешно прелюбы творить да в страстные дни сходиться, а в остатнее время божий мир любовью держится. Все божьим словом да верой делается. Божьим словом людей на ноги ставят, со смертного одра поднимают. Я своего мужа божьим словом из мертвых воскресила.

– Воскресила?

Старуха не сочла нужным как-либо прореагировать на мой изумленный возглас. Она продолжала:

– У меня мужик смалу в ненавидости у людей был. Раз сказал на похвас, чтобы от ребят оборониться, – бить стали: "Я на вас икот напушу", – да с той поры житья бедному не стало, а потом и мне, евонной жене, и девкам нашим. Вот ведь как к бесам-то взывать, а не к богу-то. Хотел острастку другим дать, а взвалил на себя каменный жернов. Все он, все мы во всем виноваты: кто заболел, у кого скотина пала. А в то лето какой-то мор на корову да на овцу был. Что ни день, то одну, то другую зарывают. И вот уехал мужик к сену, на пожню, я немогу, дома осталась, только что Матрену родила, тяжелы роды были. Настает Ильин день, праздник большой. Все с пожни выехали, старый и малый, а мой где? Пошто моего-то нету? Набожный человек был, все праздники соблюдал. Ох, чует сердце, неладно с ним. Запрягла кобылу – две лошади у нас было, исправно жили, – поехала навстречу. Еду, еду, все не видно мужика. Дале на сосновый бор выехала – чего это там в стороне вороны орут-разоряются? Подошла, а там мой мужик бездыханный лежит, хворостом закидан. Намертво у мужиков забит.

Я пала на колени, молитву господу вознесла. Господи, говорю, ты вдохнул жизнь в глину мертвую, Адама-человека сотворил, а разве я не твое творенье, господи? Разве не твой превечный огонь во мне горит? Господи, говорю, дай мне силы-мочи мужа бесповинного из мертвых поднять. И господь дал силы. Начала я дуть в холодные уста мужу, он у меня и ожил, "ох!" сказал. Силой, силой слова господня подняла. Я так, бывало, и животину строптивую укрощала. Конь был у фокти-барышника, дикой, никак объездить не мог. Пришел ко мне: "Соломида, ты слово знаешь, помощи. Какие хоть деньги заплачу". Лошадник был. "Слово, говорю, знаю одно – господне. И тем словом помогу. А платы мне никакой не надо. Только табачнику смолить перестанешь". И перестал, одним табачником меньше в койде стало. А я лошадь в хомут ввела. Словом божьим. Бо слову божьему все подвластно:

Федор Абрамов Из колена аввакумова abramovfyodor.ru

и человек, и зверь, и гад ползучий. Святые-то угодники, в пустошах которые жили, какие чудеса в старину творили! Льва и медведя укрощали. И я одним словом божьим мужика убитого воскресила.

Еду, подъезжаю к деревне, в одной руке вожжа, в другой Иван при смерти, а на нас новая смерть – мужики с кольями. На самом въезде в деревню. "Убить, убить!" – режут. О, беда, о, горе горькое! Прощайте, родители, прощай, дочи-сирота. Тут нам и живот отдать. Некуда деваться. Наутек ехать – догонят. И вперед – порешат. Вспомнила: есть, есть у меня заступа – господь бог. Ежели кто и поможет нам сейчас, дак он, всеблагодать, он, милостивец. Взмолилась, жарко: "Господи, говорю, яви чудо! Сколько раз, говорю, в Пустозерье ходила, от смерти спасал, и тут, говорю, спаси. Не за себя, говорю, прошу, господи. Мужу бесповинному не дай помереть, дочерь нашу не осироти". И тут мне голос сверху: "Крестом да огнем, крестом да огнем..." А где огонь, где крест? Стоим на въезде в деревню, народ пьяный с кольями, собаки воют. Ну, опять господь бог на помощь пришел. Выдернула я кол из огорода, к колу кнотовище ременки привязала – крест. А огонь... Сарафан (голова у Ивана обмотала была, еще там, в лесу с себя сняла) на крест намотала да в туес со смолой – к телеге привязан был. И вот народ с кольем да с палками на нас, а я на них с крестом огненным. В одной рубахе льняной, белой, и заливаюсь молоком. У других от страха молоко в грудях зажимает, а у меня все не как у людей – только в эту минуту молоко и открылось. Как плотину, скажи, прорвало. Вся рубаха вымокла, от ворота до подола. Вот стою я на телеге в одной рубахе белой, а в руках крест огненный. "На колени, говорю, ироды! Поклянитесь, говорю, словом божьим, что никогда больше не тронете мужика, а то – вот те бог! – сейчас всю деревню спалю!" И пали ироды пред божьим крестом да огнем. "Не будем больше, Соломида. Прости". Господь, господь выручил меня. Он, милостивец, пришел ко мне на помощь. Разве у смертного человека хватило бы силы одной на супостатов пойти, крест из кола поднять да огонь из себя родить? Я ведь на них, иродов, в одной рубахе да с крестом горящим как кара божия пала, как архангел Михаил в судный день явился. Откуда у меня о ту пору и огонь взялся. Тогда ведь и спичек не было, все кремешком искру высекали...

– Ну, после этого успокоились земляки, не досаждали больше?

– Ох, милой, милой! Человек бы успокоился, кабы с ним один ангел был. А то ведь у нас по праву руку ангел-хранитель, а по леву бес-искуситель. Было, было испытанье мне отпущено. Не оставил господь в праздности. В колхозе робила – все одна на поле, все понапралина как стена меж мной и людьми. Все Соломида всех портит. А начальство, то опять невзлюбило за то, что в христово воскресенье не роблю. Два раза в лагеря на отсидку гоняли. Я говорю: "Дайте мне хоть в три раза больше задание – сделаю. Только не заставляйте христово воскресенье топтать". Ну, господь не оставил меня. Я и там, за проволокой, божьим словом спасалась. Как развод, бывало, на работу в воскресенье, мне прямо уж объявляют: "Староверка, в карцер!" За то, что я и там не робила по воскресным дням. Попервости в погреб этот впихнут – зуб на зуб не попадат. Руки коченеют. О, думаешь, хоть бы щепиночку какую дали, я бы и то обогрелась. А потом раздумаю: а слово-то божье мне зачем дадено? Помолюсь, раскалю себя молитвой, вспомню про праведника Аббакума, как его в яме-то, в подземелье гноили да холодами пытали, голой сидел, мне и теплее станет. Словом, словом божьим обогрелась.

В понедельник утром из погреба, из карцера-то этого, выпустят-- шатаюсь, а улыбаюсь. Начальник заорет: "Чего улыбаешься?" – "А то, говорю, улыбаюсь, что страданье дал, дозволил мне с господом богом наедине побыть". И тут еще поклонюсь ему в ноги. "Спасибо", – говорю. И вот мучил-мучил меня – это когда вторым-то заходом я была в лагерях – да и выгнал. "Доконала ты, говорит, меня, бабка. Не хочу, чтобы ты от моих рук смерть приняла. Убирайся, говорит, с глаз долой. Чтобы духу твоего здесь не было".

– Да, бабушка, – сказал я, – не жизнь у тебя, а целое житие.

– Не обделена, не обделена страданьями да испытаньями. И то хорошо, то милость господня. Через страданья да испытанья дорога в царствие божие лежит. Страданья да испытанья освещают нам путь в град всевышний. Ну, об одном прошу, об одном молю, господи, – старуха перекрестилась и вдруг беспомощно, совсем-совсем по-ребячьи расплакалась: – Не дай умереть с коростой клеветы бесовской. Сними понапралину, сними жёрнов каменный. Хоть перед самой смертью, хоть в гробу пушай все увидят, кто раба твоя Соломида.

Федор Абрамов Из колена аввакумова abramovfyodor.ru

Я не знал, как утешить старуху и только вздохнул.

Между тем она поглядела на солнышко и начала подниматься с бревна.

- Посиди еще, бабушка.

- Нет, Матрены, видно, не дожидаться - на молитву пора вставать.

- Успеешь еще, - снова попытался я удержать старуху.

- Не говори так, - строго скала она. - Молитва - перво дело, изо всех работ работа. Сила да разум каждый день человеку нужны, а без молитвы откуль их взять?

Я понял, бесполезно ее удерживать, да к тому же в это время на дороге раздалась пьяная песня: мой шофер в обнимку с высоким мордастым парнем подходил к нам.

З

На другое лето я, как только приехал на родину, отправился в Койду проведать старуху.

В низкой, на старинный манер избе - без обоев, без белил, без занавесок, одно золотистое дерево - меня встретила дочь старухи, тоже уже старуха, та самая Матрена, которую в прошлый раз, сидя на бревне, поджидала ее мать. Самой Соломеи в живых уже не было - она умерла весной нынешнего года.

- Хорошо померла, - начала рассказывать Матрена, тои дело вытирая слезы со своего простоватого, бесхитростного лица. - Легкая смерть была. Паску встретила, разговелась, а там уж и ангелы прилетели, кончились земные страдания.

- Ну а все же, как это было?

- Как умерла-то? А вот сидели тут за столом, разговлялись, она и говорит мне: "Сходи-ко, говорит, за старухами, проститься хочу". - "Что ты, говорю, мама, ничего-то выдумываешь?" - "Иди, говорит, зови да пошевеливайся. Живо у меня!" Еще острastку мне дала. Ну, пришли старушонки. Мама на ноги поднялась, тут вот сидела, на лавке, встала лицом к иконам, перекрестилась. "Вот, говорит, скоро предстану перед господом богом, не грешна перед людьми. Через всю жизнь, говорит, со словом господним на устах прошла". А потом - старухи и в себя прийти не успели - легла прямо на пол вот так вот, глазами к божнице, руки на грудь крест-накрест, да и померла. Ну дак уж старухи и бабы потом на коленях ползали перед мамой. "Прости, прости, говорят, Соломида. И нас прости, и всех прости, кто перед тобой согрешил. Мы ведь, говорят, всю жизнь тебя топтали да пинали, детям твоим житья не давали, а теперь, говорят, видим: святая меж нас жила".

Что ты, как не святая. Икотницы-то помирают - по целым дням кричат да корчатся, бесы мучают. А тут ведь как голубок вздохнула. Смертью, смертью мама оправдалась перед всеми. Смертью своей сняла с себя и со всех нас понапраслину.

Под вечер Матрена проводила меня на кладбище, такое же старое и запустевшее, как сама деревня, и я долго стоял у песчаной могилы со свежим, еще не обветренным сосновым столбиком, на котором не было ни единой буквы, ни единого знака.

Федор Абрамов, 1978 год

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!